

ЧЕЛОВЕК

Иллюстрированный
научно-популярный журнал

Выходит 6 раз в год

Журнал основан в 1990 году
академиком И.Т. Фроловым

№ 3 (май — июнь)

Учредитель:
Российская академия наук,
Президиум

“Наука”

СОДЕР

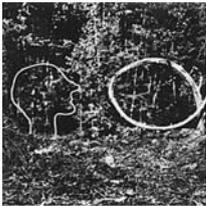

Человекознание: история, теория, метод

Антропология номадизма
С.А. Смирнов 5

Социальные сети: храм бездомности
Ю.В. Чернявская 18

Заблудившиеся в социокультурной среде
Т.З. Адамьянц 34

Откуда и куда

Мера человеческого в искусстве: исторические
модификации
О.А. Кривицун 42

Пожилые люди за компьютером
О.В. Сергеева 47

Гуманитарная экспертиза

Аудионаркотики: звук вместо “химии”
И.Л. Андреев, В.А. Есаков, Л.Н. Назарова 66

Трансгуманистический тренд в современном
визуальном искусстве
Н.М. Гончаренко 77

Перспективы гуманизма

Компромисс как средство гармонизации отношений
в японском обществе
Е.Л. Скворцова 92

Человек в религиях мира

Институциональная и личностная идентификация
православия в России и Сербии
С.Д. Лебедев, М. Благоевич 107

Сократические тенденции в религиозно-философских
воззрениях Луиджи Джуссани
С. Дзоффоли 112

Мера всех наук

Молекулярный век — “окраина вечности”?
Л.П. Киященко, Е.Г. Гребенщикова 127

ЖАНИЕ

Из фондов культуры

- 138 Трагедия человека в киномузыке Альфреда Шнитке
Ю.В. Михеева

Лицо человеческое

- 148 Герцен как прототип Ставрогина
В.К. Кантор

Тайна сия велика

- 160 Е.Н. Трубецкой: доминанты сказочных повествований
О.М. Седых

Язык мой

- 170 Тенденции языкового развития населения
республик Поволжья
Я.З. Гарипов

Вспоминая об ушедшем

- 175 Памяти друга. Слово о Владимире Петровиче Зинченко

Листая новые страницы

- 179 Варава В.В. Неведомый бог философии. М., 2013
В.В. Ванчуров

Гуманитарная хроника

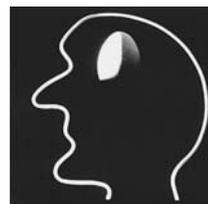
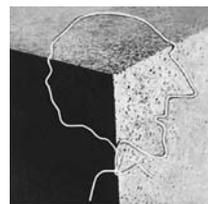
- 182 Новое в науках о человеке. XIII Фроловские чтения
С.М. Малков

17 Новые книги

- 186 Аннотации и ключевые слова публикуемых статей

- 190 Содержание на английском языке

- 192 К сведению авторов

© Российская академия наук, 2014

© Редколлегия журнала "Человек" (составитель), 2014

Журнал издается под руководством Президиума РАН

Редакционный совет:

<i>академик</i>	Велихов Е.П.
<i>академик</i>	Иванов В.В.
<i>академик РАН</i>	Казначеев В.П.
<i>академик РАО</i>	Лиханов А.А.
<i>академик</i>	Макаров И.М.
<i>академик</i>	Янин В.Л.

Редакционная коллегия:

<i>член-корреспондент РАН</i>	Юдин Б.Г., главный редактор
<i>кандидат психологических наук</i>	Авдеева Н.Н.
<i>доктор философских наук</i>	Артемьева Т.В.
<i>доктор философских наук</i>	Борзенков В.Г.
	Воробьев С.Л.
<i>академик</i>	Гусейнов А.А.
<i>доктор философских наук</i>	Диев В.С.
<i>доктор исторических наук</i>	Дробижева Л.М.
<i>доктор психологических наук</i>	Знаков В.В.
<i>кандидат философских наук</i>	Мануильский М.А., зам. гл. редактора
<i>доктор философских наук</i>	Огурцов А.П.
	Островская Г.В., отв. секретарь
<i>академик</i>	Петров Р.В.
	Резниченко Л.А.
<i>академик РАО</i>	Рубцов В.В.
<i>академик</i>	Степин В.С.
<i>академик</i>	Тишков В.А.
<i>доктор физико-математических наук</i>	Тропп Э.А.
<i>академик</i>	Чельшев Е.П.

Над номером работали:

	Буторина В.В.
	Малков С.М.
	Марабанец С.М.
	Махиянова Е.Б.
	Мышко Т.Л.
	Щадилова К.А.
<i>зав. отделом оформления</i>	Юрчевская Г.Н.
<i>техническое редактирование и верстка</i>	Нефедова Г.О.
<i>компьютерный набор</i>	Генералова А.В.

ЛИЦО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-03-00494а.

Кантор Владимир Карлович —

доктор философских наук, профессор философского факультета Научно-исследовательского университета — Высшая школа экономики (НИУ-ВШЭ).

В журнале «Человек» публикуется впервые. E-mail: vlikantor@mail.ru

¹ Гурвич-Лицинер С. Герцен и русская художественная культура 1860-х годов. Тель-Авив, 1997. С. 126–175.

² Кантор В. Пути и катастрофы русской мысли: кого будил А.И. Герцен? // Вопр. литературы. 2009. № 4. С. 291–348.

148

ГЕРЦЕН КАК ПРОТОТИП СТАВРОГИНА

© 2014

В.К. Кантор

Начну с простой констатации факта. Роман «Бесы» пропитан темами и образами, связанными с деятельностью А.И. Герцена. Идеи Герцена, упоминания о нем многократно встречаются в текстах Ф.М. Достоевского, в его публицистике. Об этом писали неоднократно — прежде всего российские литературоведы. Но в основном они рассматривали, так сказать, «диапазон творческих контактов»¹, то есть публицистические и жизненные пересечения писателей. Однако нигде, пожалуй, не говорится о Герцене как о прототипе того или иного образа Достоевского. То, что Достоевский в создании своих образов опирался на свое понимание современников, достаточно известно. Среди прототипов его героев называли Гоголя (Фома Опискин), Нечаева (Петр Верховенский), Грановского (Верховенский-старший), Тютчева (Версилов), Тургенева (Кармазинов), Лизу Герцен (Кроткая), но Герцен в этом контексте был упомянут лишь однажды в моей статье 2009 года². Здесь я хотел бы развить высказанные некогда соображения.

Напомню слова А. Долинина, писавшего, что в «Бесах» очевидно «злое, насмешливое отношение ко всей политической деятельности недавно скончавшегося Герцена, имя которого несколько раз упоминается в романе в сочетании всегда обидном и злобном»³. Он упоминается одиннадцать раз, причем чаще всего как человек, на которого ориентируются и опираются бесы. Даже авторство стихотворения «Студент», которое Нечаев относил к себе, приписывает бес Верховенский Герцену (под названием «Светлая личность»).

Цитирую: «Опять с минуту помолчали. Шатов брезгливо и раздражительно ухмылялся.

— А эта ваша подлая «Светлая личность», которую я не хотел здесь печатать, напечатана?

— Напечатана.

— Гимназистов уверять, что вам сам *Герцен* в альбом написал?

— Сам *Герцен*».

Могу предположить, что такое настойчивое упоминание имени зарубежного пропагатора можно объяснить двумя причинами. Во-первых, ввести в происходящую бесовщину некий реальный контекст идей. Во-вторых, завуалировать связь реального деятеля с романным образом.

Хорошее напоминание Долинина, что в момент писания романа Герцен уже ушел из жизни. Смерть ставит предел, который позволяет не просто полемизировать с кем-то, но подвести итог его жизни, превратив в персонажа своего произведения. Уже при жизни Герцен становится предметом интереса художников. Его портреты рисуют живописцы, намеками проскакивает его образ в “Загадочном человеке” Н.С. Лескова, какие-то оттенки его образа художественно переосмыслены в образе Версилова у Достоевского (“Подросток”). Но там лишь можно угадывать, да и многое не сходилось, хотя достоеведы писали об этом не раз. Впрочем, после работы А. Гачевой, убедительно соотнесшей образ Версилова с Тютчевым, можно считать тему прототипа главного героя “Подростка” решенной. Более того, стоит отметить, что роман Достоевский начал в 1869 году, практически сразу после рассказа брата Анны Григорьевны о событиях в Петровской академии. 21 ноября 1869 года произошло убийство студента Иванова. 25 ноября его тело случайно было обнаружено в проруби пруда. Убийцы были арестованы, кроме инициатора убийства С.Г. Нечаева, успевшего уехать за границу. Поначалу Достоевский думал о Нечаеве как о прототипе главного героя. Но роман долго не шел. Пока к середине 1870 года не возникает в тексте фигура Ставрогина.

Надо сказать, сам Герцен был не против увидеть себя героем художественного произведения, но именно Героем. Он поверял жизнь искусством, а искусство жизнью в ее революционном развитии. Все образы русской литературы, от Чацкого и Онегина до Обломова и Базарова, воспринимались им лишь как этапы революционного развития общества. Не случаен его упрек И.С. Тургеневу по поводу образа “отцов”, Кирсановых. Основной смысл этого упрека в том, что писатель не выбрал для изображения отцов подлинных деятелей 1840-х годов, настоящих революционеров. Герцен отсылает Тургенева к опыту биографии Н.П. Огарева и своей: «Кирсановы — самые стертые и пошлые представители отцов... Что бы ему (Тургеневу, — В.К.) было прислать Базарова в Лондон?.. Мы, может быть, доказали бы ему на берегах Темзы, что <...> у Рудиных и Бельтовых иной раз бывает и воля, и настойчивость и что, видя невозможность деятельности, к которой они стремились по внутреннему влечению, они бросали *многое*, уезжали на чужбину и заводили, “не метавшись и не суетясь”, русскую книгопечатню и русскую пропаганду»⁴. В требовании изображать жизнь в ее *революционном* развитии виден прямой путь, если говорить об общественно-эстетических традициях, к идеям социалистического реализма, коего Герцен в XIX веке, похоже, был круп-

В. Кантор
Герцен
как прототип
Ставрогина

³ Долинин А.С. “Исповедь Ставрогина” // “Бесы”: антология русской критики / Сост., подг. текста, посл. и ком. Л.И. Сараскиной. М., 1996. С. 541.

⁴ Герцен А.И. Собр. соч. в 30 т. М., 1954–1965. Т. XX. Ч. 1. С. 339–340.

Александр
Иванович Герцен
(1812–1870)

нейший теоретический предшественник.

Он хотел стать героическим персонажем, но стал трагическим героем. «По классическому определению трагедия включает и трагическую вину. Герой сталкивается с последствиями своих поступков, не свершать которых он не мог. <...> Это относится и к встрече с Нечаевым и к опрометчивому второму браку и к судьбе детей; шестьдесят девятый год был тем годом, когда Герцен непосредственно столкнулся с последствиями своей жизни. Увидел в Нечаеве, — пусть и страшно искривленное, исковерканное, — но тоже *последствие*. И нашел в себе силу — понять, противостоять и не проклясть все то, чему поклонялся недавно сам и звал поклоняться других»⁵.

Акцентирую: Герцен как прототип стал героем трагедии. Речь идет о романе

«Бесы», который много раз именовали романом-трагедией, и его герое — Ставрогине. Нельзя, видимо, забывать, что Ставрогин был гражданином швейцарского кантона Ури. Герцен, будучи лишенным в 1851 году прав состояния, принял швейцарское подданство, став гражданином кантона Фрейбург. Ставрогин в предсмертном письме сравнивает себя с Герценом (спутав, правда, название кантона): «*Прошлого года я, как Герцен, записался в граждане кантона Ури, и этого никто не знает. Там я уже купил маленький дом. У меня еще есть двенадцать тысяч рублей; мы поедem и будем там жить вечно. Я не хочу никогда нигде выезжать*». Это напоминает жест императора Диоклетиана, много нагрешившего, а конец жизни проведенного в горной Иллирии за выращиванием капусты. Впрочем, императорскую мантию примеривал на себя и Герцен.

Стоит напомнить постоянное сравнение Ставрогина персонажами романа с королем. То его сравнивают с шекспировским принцем Гарри, будущим королем Англии, то с принцем Гамлетом. Бес Верховенский пытается обрядить его в костюм Ивана-Царевича. Правда, все время Достоевский показывает и иные коннотации, либо самозванничества, когда Хромоножка кричит Ставрогину, что он Гришка Отрепьев, либо разбойничьего атамана Степана Разина. Но вернемся к Герцену, который без конца писал о своей гамлетовской рефлексии. Его называли то «северным Гамлетом», то «Гамлетом революции». Но дело даже не в шекспировском образе, а в фантазмагорическом сознании себя своего рода императором. Сама биография обозначила особенности его взгляда на мир.

⁵ Орлова Р. Последний год жизни Герцена. N.Y., 1982. С. 85–86.

Герцен родился 25 марта 1812 года у богатого помещика Ивана Алексеевича Яковлева. После взятия Москвы Наполеон велел представить себе отца Герцена и под условием, что тот доставит его письмо с предложением о мире русскому императору, дал ему пропуск для выезда из Москвы. Не ошибусь, предположив, что для становления юношеского самосознания Герцена был важен этот эпизод, не случаен рассказ о нем на первых страницах “Былого и дум”. Получалось, что с самого рождения он оказался в центре исторических событий. Уже незадолго до смерти он запишет в дневнике: “20 декабря 1866, Nizza. <...> Избалованные средой — сознанием своей силы — мы твердо верили, что будем жить на особых правах”⁶. Стоит добавить, что Яковлевы состояли в дальнем родстве с царствующим домом Романовых. Разумеется, это не могло не давать Герцену представления о значительности его собственной персоны. Свое царское достоинство он обозначил псевдонимом — *Искандер*, то есть *Александр Македонский*. В этом контексте любопытна “аннибалова клятва”, данная друг другу двумя мальчиками на Воробьевых горах — посвятить жизнь ниспровержению империи. Два будущих Ганнибала хотели в своих глазах выглядеть героями. Ниспровергнуть империю — не слабо! Но надо было уметь раскрутить никому не известную клятву, произнесенную четырнадцатилетними подростками, чтобы весь мир услышал ее и с восхищением воззрится на двух героев.

Эстеты Серебряного века обожали Герцена. Знаменитый Айхенвальд писал о нем: “Всегда блистательный и духовно-роскошный, князь эмиграции, властелин, которому недоставало только престола, Александр Великолепный, король в изгнании”⁷. Айхенвальд словно не читал “Бесов” Достоевского и не помнил разговор Петра Верховенского со Ставрогиным: “Ставрогин, вы красавец! Я люблю красоту. Я нигилист, но люблю красоту. Разве нигилисты красоту не любят? Они только идолов не любят, ну а я люблю идола! Вы мой идол! Вы никого не оскорбляете, и вас все ненавидят; вы смотрите всем ровней, и вас все боятся, это хорошо. К вам никто не подойдет вас потрепать по плечу. Вы ужасный аристократ. Аристократ, когда идет в демократию, обаятелен! Вам ничего не значит пожертвовать жизнью, и своею и чужою. Вы именно таков, какого надо. Мне, мне именно такого надо, как вы. Я ни кого, кроме вас, не знаю. Вы предводитель, вы солнце, а я ваш червяк. <...> Вы красавец, гордый, как бог, ничего для себя не ищущий, с ореолом жертвы, “скрывающийся”. Главное, легенду! Вы их победите, взглянете и победите”. Новую правду несет и “скрывается”. А ведь и Герцен был в эмиграции, то есть “скрывался”. Слова Айхенвальда почти парафраз речи беса, одевающего на голову Ставрогина корону “Ивана-Царевича”.

Герценовская публицистика, построенная как диалоги вполне в контексте художественно-философских диалогов Платона, как и проза Достоевского. Скажем, в письмах “С того

В. Кантор
Герцен
как прототип
Ставрогина

⁶ Герцен А.И. Там же. Т. XX. Ч. 2. С. 609.

⁷ Айхенвальд Ю. Герцен // Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. М., 1994. С. 517.

ЛИЦО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

берега”, пожалуй, одной из важнейших его книг, даже собеседник известен — И.П. Галахов, социалист, публицист, любовник Марии Львовны, первой жены Огарева. Сам Герцен, как мы знаем, тоже не миновал постели друга. Но уже позже. Особое место в его прозе занимают его мемуары, пожалуй, главная книга его жизни, где он не только защищал себя от наветов, но и строил свой образ, каким романтический автор хотел явиться миру. Эта книга — удивительный сплав реальности и мифа, действительно, как в платоновских диалогах. Только искал автор не истину, а себя. Обычно мемуарист описывает себя, чтобы рассказать о других, система герценовских мемуаров иная: он рассказывает о других, чтобы рассказать о себе.

Каждый текст Герцена — это создание мифа своей жизни, ориентированного на западного читателя. Здесь и преувеличение своего антиправительственного поведения и тяжести наказания (хотя в ссылке он был на вполне приличных чиновных местах, мог писать и писал). Но перед западным читателем надо было предстать более несгибаемым, да и режим представить более жестоким, чем он был на самом деле, необходимо было самосозидание образа героя. Стоит привести его слова, где он с мушкетерской легкостью персонажа Дюма как бы между прочим приписывает себе тот приговор, который на самом деле пережили петрашевцы и великий писатель Достоевский: “Нас обвинили *в намерении* создать тайное общество и желании пропагандировать сен-симонистские идеи; нам прочитали в качестве скверной шутки смертный приговор, а затем объявили, что император по своей поистине непростительной доброте, приказал подвергнуть нас лишь исправительному наказанию — ссылке”⁸. Это непростительное заимствование чужой трагедии, при том что он совсем не чувствует реальный ужас действительного ожидания казни на плацу, а потом многолетней каторги и солдатчины!.. Это не может не выглядеть кощунством. Герцен — один из первых удачливых шоуменов, создавших миф своей жизни. Интересно, заметил ли это присвоение его судьбы Достоевский?

В контексте герценовского сотворения мифа о себе уже не покажется случайной легенда Нечаева, с которой он явился на Запад к Герцену, Бакунину, Огареву, “предварительно распространив слух, что он арестован и заключен в Петропавловскую крепость. А затем из за границы он написал товарищам, что ему при отправке из Петропавловской крепости в Сибирь удалось бежать. Этим он хотел, во-первых, поднять свой революционный престиж среди студентов, надеть на себя корону героя и мученика”⁹. Бакунина и Огарева он пленил своей решительностью. Бакунин называл его “тигренок” и создал еще одну мифологему. Стихотворение Огарева “Студент” было первоначально посвящено “Памяти Сергея Астракова”. Бакунин похвалил стихи, но заметил, что было бы полезнее для дела “посвятить молодому другу Нечаеву”¹⁰. Стихи эти вошли

⁸ Герцен А.И. О развитии революционных идей в России // Герцен А.И. Там же. Т. VII. С. 218.

⁹ Шуб Д.Н. Сергей Нечаев. (URL: <http://narodnaya-volya.ru/Person/nechaevshub.php>)

¹⁰ Письма М. Бакунина Герцену и Огареву / Введение и примеч. М.П. Драгоманова. СПб., 1906. С. 377.

в “Бесы” под названием “Светлая личность”. Любопытно, как проявляется это делание из себя легенды в “Бесах”. Перед визитом к “нашим”, бес Верховенский говорит Ставрогину: “*Сочините-ка вашу физиономию*, Ставрогин. Я всегда сочиняю, когда к ним вхожу. Побольше мрачности, и только (курсив мой, — В.К.)”.

После смерти Герцена Нечаев продолжал действовать, используя все так же миф, ложь, шантаж. Он запугивал Наташу, дочь Герцена, желая герценовских денег, угрожая, что если она вернется в Россию, “нашим придется так или иначе с вами покончить”¹¹. Эти мифические “наши” (термин из “Былого и дум”, в уголовно-революционном варианте использованный Достоевским в “Бесах”) были продолжением нечаевской легенды. То, что можно было объяснить писательской фантазией Герцена, в устах Нечаева приобретало дьявольский оттенок провокации стремящегося к власти деспота. Более того, в словах Лопатина о Нечаеве можно невольно разглядеть парафраз к “Запискам сумасшедшего” Гоголя: “Сегодняшний день — есть день величайшего торжества! В Испании есть король. Он отыскан. Этот король я”. Королем, точнее, императором, властелином чувствует себя и Нечаев. Лопатин пишет: «И почему это Нечаев воображает, что каждый человек, подобно ему, должен говорить про себя непременно “мы”? Смею его уверить, что, кроме его, только одни императоры выражаются так глупо! И почему Нечаев вообразил также себя, что все люди, подобно ему, только и думают что о том, как бы им держать других людей “в руках”? Еще раз смею уверить Нечаева, что это опять-таки императорская замашка; большинство порядочных людей хлопочет только о том, чтобы их самих никто в руках не держал»¹². Впрочем, первым испанским королем все же был Герцен. Именно он (повторю это) назвал себя *Искандером*. Ставрогину, как я уже упоминал, все время примеряют королевскую корону. Он знает это, но не возражает.

Какие мотивы “Былого и дум” можно увидеть в “Бесах”? Тема Герцена видна даже в образе Степана Трофимовича Верховенского, прототипом которого обычно называют Грановского: “К тому же Россия есть слишком великое недоразумение, чтобы нам одним его разрешить, без немцев и без труда. Вот уже двадцать лет, как я бью в набат и зову к труду! Я отдал жизнь на этот призыв и, безумец, веровал! Теперь уже не верую, но звоню и буду звонить до конца, до могилы; буду дергать веревку, пока не зазвонят к моей панихиде!” Конечно, фантастически обыграно местоимение “наши”. Герцен в своих мемуарах “нашими” называл своих союзников (либералов и западников), “Не наши” были очень долго для него славянофилы. И поначалу *наши* — это спутники Степана Трофимовича. Например: “Все *наши* еще с самого начала были официально предуведомлены о том, что Степан Трофимович некоторое время принимать не будет и просит оставить его в совершен-

В. Кантор
Герцен
как прототип
Ставрогина

¹¹ Дневник Н.А. Герцен // Герцен и Запад. Литературное наследство. Т. 96. М., 1985. С. 454.
¹² Г.А. Лопатин — М.А. Бакунину (20 мая 1870) // Там же. С. 485.

Михаил
Александрович
Бакунин
(1814–1876)

¹³ Герцен А.И. Былое и думы (гл. "Наши") // Герцен А.И. Там же. Т. IX. С. 113–114.

ном покое. Он настоял на циркулярном предуведомлении, хотя я и отсоветовал. Я же и обошел всех". Да и стиль жизни кружка Степана Трофимовича почти буквально списан с времяпрепровождения кружка Герцена. Вот "Бесы": "Одно время в городе передавали о нас, что кружок наш рассадник вольнодумства, разврата и безбожия; да и всегда крепился этот слух. А между тем у нас была одна самая невинная, милая, вполне русская веселенькая либеральная болтовня. <...> А наконец, надобно же было с кем-нибудь выпить шампанского и обменяться за вином известного сорта веселенькими мыслями о России". А вот "Былое и думы": "Наш небольшой кружок собирался часто, то у того, то у другого, всего чаще у меня. Рядом с болтовней, шуткой, ужином и вином шел самый деятельный, самый быст-

рый обмен мыслей, новостей и знаний; каждый передавал прочтенное и узнанное, споры обобщали взгляд, и выработанные каждым делались достоянием всех. <...> Вот этот характер наших сходок не понимали тупые педанты и тупые школяры"¹³. Но далее Достоевский показывает страшную эволюцию герценовских "наших" в нечаевских бесов, тоже "наших".

Что касается любовных историй Ставрогина, то из русских радикалов с ним посоперничать мог, разумеется, не Бакунин, в этом смысле имевший проблемы, а только Герцен. Его эгзибиционистские мемуары вполне соотносимы с Исповедью Ставрогина, которая тоже не есть подлинная исповедь, ибо обращена не к Богу (о чем деликатно все время сообщает Тихон), как, скажем, у Августина, а рассчитана на публику, как и у Руссо (упоминание его "Исповеди" Ставрогиным в контексте онанизма героя — издевательски говорящее). Характерна и ремарка, описывающая принесенные Тихону странички ставрогинского текста: "Печать была действительно заграничная — три отпечатанных и сброшюрованных листочка обыкновенной почтовой бумаги малого формата. Должно быть, отпечатано было секретно в какой-нибудь заграничной русской типографии, и листочки с первого взгляда очень походили на прокламацию". Очевидный намек на лондонскую типографию, где печатались герценовские мемуары и прокламации. Все петер-

бургские приятели Ставрогина, кормившиеся за его счет, потакавшие его распутству, в сущности, были приживалы, вроде обедневшего за рубежом Огарева, который жил приживалом при Герцене. Вряд ли самостоятельно живший отдельным домом дворянин с такой легкостью уступил бы другу-хозяину свою жену.

Но неужели Достоевский так не любил Герцена, что изобразил его в романе как “медиума зла” (С. Булгаков о Ставругине)? Думаю, что любил. Ведь вот как воспринимал его: “Это был художник, мыслитель, блестящий писатель, чрезвычайно начитанный человек, остроумец, удивительный собеседник (говорил он даже лучше, чем писал) и великолепный рефлексер. Рефлексия, способность сделать из самого глубокого своего чувства объект, поставить его перед собою, поклониться ему и сейчас же, пожалуй, и насмеяться над ним, была в нем развита в высшей степени. Без сомнения, это был человек необыкновенный”¹⁴. Именно частица этой любви досталась и Ставругину, что позволило Бердяеву написать: “Поражает отношение самого Достоевского к Николаю Всеволодовичу Ставругину. Он романтически влюблен в своего героя, пленен и оболещен им. Никогда ни в кого он не был так влюблен, никого не рисовал так романтично. Николай Ставругин — слабость, прельщение, грех Достоевского”¹⁵. И прельщение — одна из важнейших тем “Бесов”, начиная с политических соблазнов и кончая любовными.

Я бы сказал, что тема любовной исповеди лежала в основе мемуаров Герцена. Если бы не измена его жены Наташи с поэтом Гервегом, он бы не взялся за откровенный рассказ о своей жизни, рассказ-самооправдание, должный показать его значительность и ничтожество Гервега. Об этом романе одна из самых ярких страниц “Былого и дум”. Речь идет о теме, названной им. “Рассказ о семейной драме”, поразительный по своей искренности и незащитности, но направленный на самооправдание¹⁶. Паперно добавляет к русским пересказам семейной драмы Герцена любопытную версию Гервегов, которую нельзя сбрасывать со счетов: «Эмма Гервег поведала собственную версию драмы своему другу Франку Ведекиндю — писателю, который по праву пользуется репутацией одного из перво-

**Сергей
Геннадиевич
Нечаев
(1847–1882)**

¹⁴ Достоевский Ф.М. Старые люди. Дневник 1873 г. // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 21. Л., 1980. С. 9.

¹⁵ Бердяев Н.А. Ставругин // Н.А. Бердяев о русских классиках. М., 1993. С. 46.

¹⁶ См. об этом впервые в отечественном герценоведении опубликованную статью блистательного специалиста по этой эпохе Ирины Паперно (США) “Интимность и история: семейная драма Герцена в сознании русской интеллигенции (1850–1990-е годы)”. (URL: <http://polit.ru/article/2010/11/17/gertsen/>)

¹⁷ Там же. См. также относительно недавнюю публикацию страстных и откровенно-эротических писем Натали к Гервегу: Желвакова И. Она любила любовь... Семейные тайны "гнезда" Герценов-Огаревых // Историк и художник. 2007. № 4. С. 124–158.

¹⁸ "Всю свою жизнь Герцен воспринимал внешний мир отчетливо, в должных пропорциях, хотя и через призму своей романтической личности, в соответствии со своим впечатлительным, болезненно организованным Я, находящимся в центре его вселенной. Независимо от того, как велики его страдания, он как художник сохраняет полный контроль над трагедией, которую переживает, да при этом еще и описывает ее. Может быть, эгоизм художника, который демонстрирует все его творчество, является отчасти причиной того удущья, которое испытывала Натали, и причиной отсутствия каких-либо умалчиваний в его описании происшедших событий: Герцен несколько не сомневается в том, что читатель поймет его правильно, более того, что читатель искренне заинтересуется каждой подробностью его — писателя — умственной и эмоциональной жизни. Письма Натали и ее отчаянное стремление к Гервегу показывают меру все более разрушительного воздействия герценовского самоослепления на ее хрупкую и экзальтированную натуру. Мы знаем сравнительно немного об отноше-

открывателей темы сексуальности как силы, правящей обществом. Ведекинд пересказал ее рассказ в своем дневнике, опубликованном в 1986 году под заглавием "Die Tagebücher. Ein erotisches Leben". Описанная в его эротическом дневнике, версия Ведекинда подает драму Гервегов и Герценов как историю необузданной сексуальности. По его словам, Герцен и его жена, "как говорили, вступили в сексуальную близость друг с другом еще детьми"; в 1849–1850 годы Натали "оказалась в состоянии поддерживать страсть и мужа, и любовника", на что Герцен "спокойно взирал", пока как-то один из его друзей не "задел его за обедом разговорами о поведении его жены"; в Ницце Герцен и Гервег обсуждали, не стоит ли им "махнуться женами", и если Герцен, "как кажется, так и не завел романа с женой Гервега", то уж точно он "устроивал вечеринки для своих друзей в местном борделе, за что жена его обожала"»¹⁷. По сути, рассказ Герцена о "семейной драме", — это рассказ о том, как миллионер, изменяя жене, узнав, что жена полюбила другого, практически зашельмовал ее до смерти¹⁸. То есть это рассказ об убийстве женщины. Конечно, в чем-то он напоминает "Исповедь" Ставрогина. Этот текст равен по откровенности Руссо, который рассказал в "Исповеди" о своем онанизме. То есть человек так велик, что позволяет о себе писать все. Позднее на такое решился, пожалуй, только Август Стриндберг в автобиографическом романе "Слово безумца в свою защиту". Сам же Герцен писал раньше (как бы развязывая себе руки): "В будущую эпоху нет брака, жена освободится от рабства, да и что за слово жена?... Женщина до того унижена, что, как животное, называется именем хозяина. Свободное отношение полов, публичное воспитание и организация собственности. Нравственность, совесть, а не полиция, общественное мнение определяет подробности сношений"¹⁹. А затем без зазрения совести увел жену друга прямо из супружеской постели, которая находилась в его, Герцена, доме. Чем не Ставрогин? Это тема художественного восприятия Достоевским идей Герцена.

Сексуальные отношения Ставрогина с горничной Дашей Шатовой ("чужие грехи" вряд ли можно назвать любовью) имеет параллель в мемуарах Герцена, я имею в виду его грех с горничной Катериной:

"Мы переехали в Москву. Пирры шли за пирами... Возвратившись раз поздно ночью домой, мне приходилось идти задними комнатами. Катерина отворила мне дверь. Видно было, что она только что оставила постель, щеки ее разгорелись ото сна; на ней была наброшена шаль; едва подвязанная густая коса готова была упасть тяжелой волной... Дело было на рассвете. Она взглянула на меня и, улыбаясь, сказала:

— Как вы поздно.

Я смотрел на нее, упиваясь ее красотой, и инстинктивно, полусознательно положил руку на ее плечо, шаль упала... она ахнула... ее грудь была обнажена.

— Что вы это? — прошептала она, взглянула взволнованно мне в глаза и отвернулась, словно для того, чтоб оставить меня без свидетеля... Рука моя коснулась разгоряченного сном тела... Как хороша природа, когда человек, забываясь, отдается ей, теряется в ней...”

Поразительное самолюбование, подробности реального сексуального приключения (это же не роман), причем он изменяет в момент, когда жена только что потеряла младенца. Да и обстановка: жена страдает, а он ходит на дружеские посиделки с выпивкой. И здесь не безумная страсть как у Достоевского к Апполинарии Суловой, а просто развлечение, приключение. Жалости нет, ибо тут же все рассказывает все жене. Есть, правда, трусость: а вдруг она все слышала. И из трусости добывает больную психику женщины: “Мне показалось, что N что-то слышала, что-то подозревала, я решился рассказать ей, что было. *Трудны такие исповеди, но мне казалось это необходимым очищением* (выделено мной, — В.К.), экспиацией, восстановлением той откровенной чистоты отношений, которую молчание с моей стороны могло потрясти, испугать. Я считал, что самая откровенность смягчит удар, но он поразил сильно и глубоко; она была сильно огорчена, ей казалось, что я пал и ее увлек с собой в какое-то падение. <...> Она все поняла, и удар был неожидан и силен; вера в меня поколебалась, *идол был разрушен*, фантастические мучения уступали факту. Разве случившееся не подтверждало праздность сердца?”²⁰ Ставрогин ведет себя иначе. Все знали, что Даша его любовница, но он никому не говорил об этом, даже пощечину снес от Ивана Шатова. И тем не менее его листки в каком-то смысле равновелики мемуарам эмигранта Герцена. (Кстати, его часто называют изгнанником, но таковым он не был. Он именно эмигрировал, сумев остаться и на Западе миллионером.) Так вот, в листках Ставрогина есть странная фраза: “У меня есть другие старые воспоминания, может быть получше и этого. С одной женщиной я поступил хуже, и она оттого умерла”. Что за эпизод из жизни нам известного прототипа кроется за этими словами?

Скорее всего, здесь параллель с иным спонтанным сексуальным приключением, но уже не с горничной Катериной, а с одной дамой в Вятке, которую Герцен в своих мемуарах называет инициалом “Р”. Он пишет, что начал даже писать повесть об оставленной женщине, которая от несчастной любви чахнет, умирает и ее хоронят в *Девичьем монастыре* (речь о повести “Елена”). Уже в эмиграции в 1860 году Герцен узнает о ее кончине. И почти с суеверным удивлением пишет: “*мой брат ее похоронил в Новодевичьем монастыре!*”²¹ Не мог ли Достоевский здесь вспомнить и свою вину перед первой женой, бросив которую тяжело больной и умирающей, он уехал в Европу за любовницей? Однако нигде он в этом публично не исповедует, если не считать его записей в тетрадках: “Маша лежит на

В. Кантор
Герцен
как прототип
Ставрогина

ниях Натали с Гервегом: вполне возможно, что между нею и Гервегом была физическая близость, — насыщенный литературный стиль этих писем больше скрывает, чем обнаруживает; но одно несомненно — она чувствовала себя несчастной, загнанной в тупик и неодолимо влекла к себе своего возлюбленного. Герцен если и чувствовал это, то понимал очень смутно” (Берлин И. Александр Герцен и его мемуары // Берлин И. Подлинная цель познания. М., 2002. С. 610).
¹⁹ Герцен А.И. Там же. Т. I. С. 290.
²⁰ Герцен А.И. Былое и думы (гл. XXXVIII) // Герцен А.И. Там же. Т. IX. С. 97–98.
²¹ Герцен А.И. Былое и думы (гл. “Разлука”) // Герцен А.И. Там же. Т. VIII. С. 350.

ЛИЦО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

²² «Бродяжничество и разбой необычайно усилились в годы междоусобицы и в начале XVII столетия. Память о Стеньке Разине сохранилась во множестве песен, сложенных в его честь народом. Обычай разбойничества дожил до времен Пугачева, и весьма вероятно, что своим широким распространением он обязан именно глухой борьбе, начатой крестьянами, протестовавшими против закрепощения. Известно, что в песнях разбойнику отводится благородная роль, что все симпатии обращены к нему, а не к его жертвам; с тайной радостью превозносятся его подвиги и его удал. Народный певец, казалось, понимал, что самый большой его враг — не этот разбойник» (Герцен А.И. Там же. Т. VII. С. 186–187). А в 1869 году Бакунин эту мысль в «Постановке революционного вопроса» развил: «Кто не понимает разбоя, тот ничего не поймет в русской народной истории. Кто не сочувствует ему, тот не может сочувствовать русской народной жизни» (Революционный радикализм в России: век девятнадцатый / Под ред. Е.Л. Рудницкой. М., 1997. С. 217).

158

столетии...» И т.д. Но он чувствовал невозможность вынести это на публичное торжище. Недаром Тихон советует Ставрогину не печатать его записки: «Покорите и сие желание ваше, отложите листки и намерение ваше».

Тихон читает на память Ставрогину из слова ангела Лаодикийской церкви Апокалипсиса: «Но поскольку ты тепл, а не горяч и не холоден, то изблюю тебя из уст моих». Так оно и происходит. Самоубийство и есть, можно сказать, блевотина ангела, отдача души человека в лапы дьявола (или беса).

Бесов вокруг Герцена было немало, как и вокруг Ставрогина.

* * *

Герцен очень противоречив в своих писаниях. Для него характерны:

Проповедь силы индивида и смерти, как высшего смысла человеческого волеизъявления;

Пропаганда русской общинности, русского народа, который по природе социалист, а социализм и есть современное христианство. Тут почти прямая перекличка с идеей народа-богоносца;

Надежда на разбойника, как единственного активного врага самодержавия, высказанная им в 1850 году²²;

Наконец, поддержка молодых радикалов вместо постепенца Чернышевского, поддержка Нечаева (вместе со старыми друзьями — Бакуниным и Огаревым).

Но вот «Бесы». Пойдем по пунктам:

- Проповедующий бешеный индивидуализм и смерть Кириллов произносит: «Вспомните, что вы значили в моей жизни Ставрогин»;

- Исповедующий идеи величия русского народа-богоносца, как спасителя мира, Шатов тоже произносит слова о Ставрогине как вожде: «Вы, вы одни могли бы поднять это знамя!..») Но добавляет: «Когда вы насаждали в моем сердце Бога и родину, в те же самые дни, вы отравили сердце этого несчастного, этого маньяка, Кириллова, ядом». Интересен искренний ответ Ставрогина: «Повторяю, я вас, ни того, ни другого, не обманывал»;

- Федька Каторжный тоже считает Ставрогина своим вожаком, ждет его указаний. И Ставрогин удивлен: «Почему это мне все навязывают какое-то знамя? Петр Верховенский тоже убежден, что я мог бы «поднять у них знамя», по крайней мере мне передавали его слова. Он задался мыслию, что я мог бы сыграть для них роль Стеньки Разина «по необыкновенной способности к преступлению», — тоже его слова». Упаси Бог, обвинить Герцена в преступлениях, речь идет о последствиях идей. Достоевский показывает, как человек агитирует и убеждает других в самых противоположных установках;

• Важнейшая — это социализм, это Верховенский-Нечаев, к которому сам Ставрогин относится с брезгливостью, как Герцен к Нечаеву (Достоевский мог об этом знать по письмам “К старому товарищу”). Но Верховенский мечтает о вожде революции — аристократе. А это именно Герцен (или Ставрогин!).

Все эти противоречивые идеи Герцена исповедуют герои “Бесов”, приписывая их авторство Ставрогину, желая видеть его своим вождем. Бердяев замечал: «Ставрогин — творческий, гениальный человек. Все последние и крайние идеи родились в нем: идея русского народа-богоносца, идея человекобога, идея социальной революции и человеческого муравейника. Великие идеи вышли из него, породили других людей, в других людей перешли. Из духа Ставрогина вышел и Шатов, и П. Верховенский, и Кириллов, и все действующие лица “Бесов”»²³. Но Ставрогин, как и Герцен, не желает возглавить ни одного из инициированных им движений. Конечно, литературный герой никогда не равен живому прототипу. Ставрогин в одиночестве кончает с собой, повесившись на шнурке за дверь. Самоубийство — это путь в ад. Бесы остались существовать. Герцен тоже умирает почти в одиночестве, но в борьбе, борьбе с разными бесами, которые явились в мир не без его вины. И тем не менее он находит силы для борьбы. Покончила с собой дочь Лиза, с ее матерью, Натальей Тучковой-Огаревой, шли постоянные нелады. Он умер после того, как боролся почти два месяца за жизнь дочери Наташи. Болезнь дочери он победил, но сам умер. Умер, в сущности, от усталости и разочарования в своей прежней жизни, хотя и оставил свое предсмертное завещание — письма “К старому товарищу”, в которых пытался предостеречь Россию от надвигающегося на нее зла. И в этом он совпал не со Ставрогиным, а с Достоевским, написавшем именно о наступавших на мир бесах.

В последнем своем трактате Герцен выступил в защиту цивилизации, но, похоже, что поздно. Его никто не слышал и не хотел слышать. Он писал: “То, что мыслящие люди прощали Аттиле, Комитету общественного спасения и даже Петру I, не простят нам”²⁴. Разбудить зло легко, усыпить практически невозможно. Ирония истории в данном случае сыграла шутку с человеком, который пытался преодолеть ее законы в надежде на революционное переустройство мира. Лишь под занавес своей жизни он пришел к тому же, что и Достоевский. История его метаний и заблуждений послужила материалом для великого романа, который дал человечеству модель появления в человеческом пространстве бесовщины.

В. Кантор
Герцен
как прототип
Ставрогина

²³ Бердяев Н.А. Ставрогин // Н.А. Бердяев о русских классиках. С. 48.

²⁴ Герцен А.И. К старому товарищу // Герцен А.И. Избр. труды / Сост., вступ. ст. и ком. В.К. Кантора. М., 2010. С. 707.

Аннотации и ключевые слова публикуемых статей

Смирнов С.А. Антропология номадизма (Антропологические тренды и северный культурный код)

Предлагается гипотеза, согласно которой современный человек, испытывающий радикальные трансформации и смену идентичностей, будучи вынужден искать новые типы обитания, способы жизни и формы идентичности, должен обратить внимание на так называемый антропотип представителя северной цивилизации, северного социокультурного кода, который можно назвать номадическим. Описываются современные антропотренды, тренды по изменению человека и показано отличие западно-южного антропотипа от северного, мобильного антропотипа, сформированного у кочевых северных народов. Делается предположение, что Россия, формируя свое самоопределение как цивилизации могла бы опираться именно на тип северной идентичности.

Ключевые слова: антропологический тренд, идентичность человека, транс-тренд, номады, северная цивилизация, северный социокультурный код

Smirnov S.A. Anthropology nomadism. Anthropological trends and northern cultural code

The hypothesis is proposed that modern man experiencing radical transformations and changes of identity, having to look for new types of habitation, new ways of life and new identifications, should pay attention to the so-called representative anthropotype of Northern civilization, Northern socio-cultural code that could be called nomadic. Recent anthropotrends are described, having to do with Human changing. The difference between South-West anthropotype and the mobile one, that has been formed among the nomadic Northern peoples, is demonstrated. The suggestion is made that it's the type of Northern identity that Russia could build on when forming its identity as a civilization.

Key words: anthropological trend, a person's identity, transtrend, nomads, Northern civilization, Northern socio-cultural code.

Чернявская Ю.В. Социальные сети: храм бездомности

Различные аспекты и практики функционирования социальных сетей рассматривается как одно из проявлений антропологического кризиса современности. В контексте идей Мартина Бубера проводится параллель между этими практиками и догматами и практиками мировых религий, а также современными социальными практиками, связанными с созданием и эксплуатацией разного рода симулякров.

Ключевые слова: М.Бубер, бездомность, социальные сети, нарушение социальных коммуникаций, симулякры, антропологический кризис

Chernyavskaya Yu.V. Social media: The Temple of homelessness

Various dimensions and practices of social media operation are considered as a manifestation of nowadays anthropological crises. In the perspective of Martin Buber ideas the parallel between those dimensions and practices, on one hand, and dogmas and practices of world religions and some social practices associated with simulacra creating and exploiting are drawn/

Key words: Martin Buber, homelessness, social media, social communications distortion, simulacra, anthropological crises

Адамьянц Т.З. Человек в современной социокультурной среде

Статья посвящена социальной диагностике постоянно происходящих взаимодействий между человеком и его социокультурной средой. В серии комплексных

исследований зафиксированы позитивные социально значимые взаимодействия между социокультурной средой и представителями группы с высоким уровнем коммуникативных навыков и “зона риска” во взаимодействиях между социокультурной средой и представителями группы с низким уровнем коммуникативных навыков.

Ключевые слова: социокультурная среда; семиосоциопсихология; интенция; смысл; понимание; коммуникативные навыки; социоментальные группы.

Adamyants T.Z. Human in a contemporary socio-cultural environment

Social diagnosis of continuous interactions between Human and socio-cultural environment, are in the focus of the article. Positive socially significant interaction between socio-cultural environment and people with a high level of communicative skills were recorded. «Risk Area» in interactions between the socio-cultural environment and people with a low level of communication skills is fixed as well.

Key words: socio-cultural environment; semio-socio-psychology; intention; sense; understanding; communicative skills; socio-mental groups.

Кривцун О.А. Мера человеческого в искусстве: исторические модификации

Исследуются причины эволюции языков современного искусства. Показано, как неклассическое искусство вырастает из недр психологии и антиномичного сознания человека Новейшего времени. В центре внимания — мера органичности новых языков искусства современному человеку. Раскрывается, как непонятная и “негативная” художественная практика последнего столетия часто выступает адекватным эквивалентом состояниям человека, ищущего подлинность своего бытия. Формулируются критерии современного художественного творчества, интегрирующие опыт антропологии и искусствоведения.

Ключевые слова: язык искусства, антропные смыслы, искусство “правильное”, искусство “неправильное”, мера человеческого, критерии художественности.

Krivtun O.A. The Humane measure in the Art: Historical modifications

The causes of Contemporary Art languages evolution are investigated. It is shown how Non-classical Art grows out of the bosom of contemporary person's mind and antinomic consciousness. It's the measure of harmony between Contemporary Art languages and the contemporary person that is in the focus of the author's discourse. The incomprehensible and “negative” art practice of the recent century can be seen as quite an adequate for the Person seeking for authenticity of his/her Being. Some criteria of contemporary creative activities are suggested that integrate art criticism and anthropological aspects.

Key words: Art language, anthropic sense, “Right” Art, “Incorrect” Art, Humane measure, Artistry Criterion.

Сергеева О. В. От “бумаги” к “цифре”: привычки печатной культуры в среде пожилых пользователей компьютера

Использование компьютера в среде представителей “третьего возраста” — одна из малоизученных тем в отечественных социальных исследованиях компьютерных технологий. Статья представляет данные опроса пожилых пользователей. Собранный материал демонстрирует изменения в привычках чтения, письма и игровых практиках, вызванные компьютером.

Ключевые слова: пожилые люди, компьютер, печатная культура, цифровая культура

Sergeyeva O. V. From print text to digital text: changing of elderly user's habits

While personal computer used by older people in Russia, very little is known about how they interact with computer systems and use them in their daily lives. This paper is about the changing of writing and reading habits among elderly who use a computer. The author undertook an empirical study aimed at revealing and explaining real life computing. The collected data show how the home computer opens new possibilities for elderly.

Key words: elderly, computer, print culture, digital culture

Андреев, Исаков, Назарова

Гончаренко Н. Трансгуманистический тренд в современном визуальном искусстве

Статья посвящена возникновению идеи о сверхчеловеке на рубеже XIX–XX веков и ее трансформации в искусстве указанного периода (в творчестве К. Малевича, П. Филонова, В. Чекрыгина) и искусстве рубежа XX–XXI веков. В конце XIX века, по мере распространения технической революции, человек, пожалуй, впервые всерьез задумался о преодолении границ собственно человеческого (примером может служить идея “сверхчеловека” (Übermensch) Ницше). Вторая половина XX века, ознаменованная выходом человека в космос и развитием информационных систем, дала толчок к новому пониманию возможностей человека. В это время возникает идеология трансгуманизма, признающая возможность фундаментальных изменений в положении человека с помощью передовых технологий с целью ликвидировать страдания, старение и смерть, а также значительно усилить физические, умственные и психологические возможности человека. Эти идеи находят отражение в искусстве — например, в направлении “сайнс-арт” (“science-art”), возникшем на стыке новых технологий и искусства (Орлан, Марина Абрамович), или у пессимистически настроенных приверженцев идей киберпанка.

Ключевые слова: трансгуманизм, биомодификация, сайнс-арт, киберпанк
Goncharenko N. Transhumanistic trend in modern visual art

The emergence of the idea of the superman at the turn of XIX–XX centuries and its transformation in the art of this period (in the works of K. Malevich, P. Filonov, V. Chekrygin) and the art of the late XX–XXI centuries are considered. At the end of the XIX century, as the technological revolution spread, people, perhaps for the first time, began to think seriously about overcoming boundaries of an ordinary human being (an example is Nietzsche’s idea of Over-man (“Übermensch”). The second half of the twentieth century saw the world’s first walk in open space and development of information systems, it gave impetus to a new understanding of human capabilities. By the end of the 20th century an ideology of transhumanism appeared, which recognizes the possibility of fundamental changes in the position of a man with the help of advanced technology in order to eliminate suffering, aging and death, as well as significantly enhance the physical, mental and psychological abilities of a person. These ideas have the reflection in modern art practices — for example, in the “science-art” which emerged at the intersection of new technologies and art (artists — Orlan, Marina Abramovic) or pessimistic adherents of cyberpunk ideas.

Key words: transhumanism, biomodification, science-art, cyberpunk.

Скворцова Е.В. Компромисс как средство гармонизации отношений в японском обществе

Статья посвящена феномену компромисса как фундаментальной основы социальной организации Японии. В качестве альтернативы компромиссному духу японского общественного сознания автор рассматривает господствующие в российском обществе на рубеже XIX–XX вв. настроения, где доминантой стала классовая антагонистичность. Ярким примером противостояния этих идеологий являются работы Нисиды Китаро (1870–1945) и В.И. Ульянова-Ленина (1870–1924), которые анализируются в статье.

Ключевые слова: конфликт, компромисс, японская традиция, русская культура, Нисида Китаро, Ульянов-Ленин.

Skvortsova E.V. Compromise: A way to harmonize relationships in Japanese Society

Striving for compromise is considered to be the fundamental feature of the Japanese social organization. The public mood of antagonism and hostility prevailing in Russian social discourse on the verge of XIX–XX cc. seems to be the antithesis to the spirit of compromise. The first philosophical works by Nishida Kitaro (1870–1945) and V.I. Ulyanov-Lenin (1870–1924) are regarded as the particular examples of these two ideological positions.

Key words: conflict, compromise, the Japanese tradition, Russian culture, Nishida Kitaro, Ulyanov-Lenin.

Лебедев С.Д., Благоевич М. Возвращение религии

Дается попытка теоретически проанализировать современные процессы ревизитализации религии на примере православного христианства в России и Сер-

бии. Рассматривается противоречие между личностным и социокультурным модусами религиозной динамики. В контексте соответствующей теоретической концепции интерпретируются данные ряда эмпирических исследований современной российской и сербской религиозной ситуации.

Ключевые слова: ревитализация религии, религиозность, православие, современность, ценности.

Lebedev S.D., Blagoevich M. The religion returning An attempt to theoretical analyze the contemporary processes of revitalization of religion is presented by the example of Orthodox Christianity in Russia and Serbia. The contradiction between personal modus and socio-cultural modus of religious dynamics is considered. In the perspective of relevant theoretical concepts the evidence of a number of empirical studies of modern Russian and Serbian religious situation is interpreted.

Key words: revitalization of religion, religiosity, Orthodoxy, modernity, values.

Дзоффоли С. Сократические тенденции в религиозно-философских воззрениях Луиджи Джуссани

Раскрывается влияние Сократа на воззрения итальянского священника, философа и общественного деятеля второй половины XX — начала XXI столетия Л. Джуссани. Диалог и отношения с другими мыслятся как основополагающие моменты мышления и философствования, поскольку для Сократа и Джуссани особый интерес представляют человек и его природа. Джуссани критикует современное общество, для которого характерна закрытость власти.

Ключевые слова: человеческая природа, диалог, современное общественное сознание, разум, сердце как орган познания.

Zofoli S. Socratic trends in religious-philosophical views by L. Giussani

The influence by Socrat on the views of L. Giussani, Italian priest, philosopher and public activist of the second half of XX and early XXI century is revealed. The dialog and relationship with Others are conceived to be the basic component of thinking and philosophizing, since for both Socrat and Giussani it's Human being and Human nature that are of the top interest. Giussani is rather critical of contemporary society that is marked by stand-off of the authority

Key words: Human nature, dialog, contemporary public consciousness, reason, the hart as an organ of cognizing

Киященко Л.П., Гребенщикова Е.Г. Молекулярный век — “окраина вечности”?

Дана развернутая рецензия на книгу Х. Новотны и Дж. Теста “Обнаженные гены: переосмысление человечества в молекулярный век” (Nowotny H., Testa G. *Naked genes: rethinking the human in the molecular age*. L., 2010.). Рассмотрены основные перспективы и угрозы неконтролируемого развития как молекулярной генетики, так и биотехнологий в целом, представлен взгляд авторов книги на социологические значение биологических наук в современном обществе.

Ключевые слова: молекулярная генетика, гены, биотехнологии, социум.

Kiyashchenko L.P., Grebenschikova E.G. The molecular age: Is it “the purlieu of the Eternity”?

The detailed review of the book *Nowotny H., Testa G. Naked genes: rethinking the human in the molecular age* is presented. The major prospects and threats of unrestrained development of molecular genetics and biotechnologies in whole are considered. The reviewed authors' view of sociological meaning of life sciences in contemporary society is revealed.

Key words: molecular genetics, genes, biotechnologies, society

Михеева Ю.В. Трагедия человека в киномузыке Альфреда Шнитке

В статье выявляются особенности художественного языка Альфреда Шнитке, создающие в отечественном кинематографе 1970-1980-х годов поразительные по силе воздействия звуковые образы трагической реальности XX века и по-новому осмысливающие человека в “пограничной ситуации”.

Ключевые слова: киномузыка Шнитке, аудиовизуальное решение кинофильма, трагическое в кинематографе.

Miheeva Y.V. The Human tragedy in film music by Alfred Shnittke The article analyses some special features of Alfred Shnittke's art language creating outstanding

sound images of 20th century tragic reality and new understanding of man in the "borderline situation".

Key words: Shnittke's film music, audiovisual conception in film, The Tragic in cinema.

Кантор В.К. Герцен как прототип Ставрогина

В мировом литературоведении идут постоянные споры о том, кто был прототипом главного героя романа Достоевского "Бесы" — Ставрогина. Этот персонаж является ключевым для понимания взгляда Достоевского на русский революционный радикализм. Автор находит много соответствий в жизни и деятельности Герцена и героя романа. Сам писатель рассыпал по роману многочисленные намеки, показывающие, кто был прототип Ставрогина. Автор статьи постарался их суммировать и осмыслить.

Ключевые слова: Достоевский, Герцен, Бакунин, бесы, радикализм, исповедь, трагический герой, распутство.

Kantor V.K. Herzen as a prototype of Stavrogin

In the world philology the discussion on identity of the prototype of Stavrogin, the primary character of "Demons" by A. Dostoevsky. This character is the key one for Dostoevsky's views on Russian revolutionary radicalism. The author of the article finds a number of correspondences in the life and activities of A. Herzen and the novel's character. Dostoevsky himself scattered numerous hints in the novel about its hero prototype.

Key words: Dostoevsky, Herzen, Bakunin, demons, radicalism, confession, the tragic hero, wantonness

Седых О.М. Е.Н. Трубецкой: доминанты сказочных повествований. Рассматривается малоизвестная работа философа Е.Н. Трубецкого "Иное царство и его искатели в русской народной сказке" (1922). Анализируется общечеловеческое и национальное в повествовании, важнейшие бинарные позиции, ключевые персонажи, важнейшие сюжетные линии. Интуиции Е. Трубецкого сопоставляются с идеями философов Серебряного века и подходами гуманитарной науки и фольклористики XX века.

Ключевые слова: русская народная сказка, сказочные персонажи, сюжет, амбивалентность, бинарные оппозиции, София, Серебряный век

Sedykh O.M. On E.N. Trubetskoy's work "Other Kingdom and its seekers in Russian fairy tale"

consider A work *Other Kingdom and its seekers in Russian fairy tale* (1922) by Russian philosopher E.N. Trubetskoy is considered in the perspective of Russian Silver Age philosophy and in the light of humanities and folklore studies of the 20th century. A problem of national consciousness and pre-philosophy in Russian Silver Age thought is discussed. The comparative analysis of Trubetskoy's work and P. Florensky's «Imaginarities in geometry» (1922) is carried out. Among the approaches to the study of tales special attention is paid to morphological method by V. Propp and depth psychology by K.G. Jung. Feminine images in Russian Silver age culture (art, philosophy, poetry) are analyzed in the light of psychoanalytic ambivalence principle.

Key words: Russian folk tale, pre-philosophy, Folklore Studies, fairy tale, space and time in fairy tale, Other Kingdom, morphology of fairy tale, ambivalence, Sophia, Silver age

Гарипов Я.З. Тенденции языкового развития населения республик Поволжья

В статье анализируется динамика языкового развития населения республик Поволжья. Показаны устойчивый рост позиций русского языка и некоторый спад приобщения титульных наций к своим этнически родным языкам. Выдвигается идея разработки Российской хартии региональных (республиканских) языков и языков нацменьшинств.

Ключевые слова: языки, родной язык, федерация, регион, хартия

Garipov Ya.Z. Trends in linguistic development of the population of Volga region

The dynamics of linguistic development of the population of Volga region is analyzed. The stable strengthening of Russian language position is demonstrated as well as some decrease in participating of titular ethnic groups to their native languages. The idea of designing of Russian Charter of regional (republican) languages and ethnic minorities languages is proposed.

Key words: languages, native language, federation, region, Charter.

Human Being
 Founded in 1990
 Bi-Monthly

CON

Science of Man: Theory, History, Method

**Anthropology nomadism. Anthropological trends
 and northern cultural code** 5
S.A. Smirnov

Social media: The Temple of homelessness 18
Yu.V. Chernyavskaya

Human in a contemporary socio-cultural environment 34
T.Z. Adamyants

Where from and Where to?

**From print text to digital text: changing
 of elderly user's habits** 42
O. V. Sergeyeva

**The Humane measure in the Art: Historical
 modifications** 47
O.A. Krivtsun

Humanitarian Expert Review

Audiodrugs: the sound instead of “chemistry” 66
I.L. Andreev, V.A. Esakov, L.N. Nazarova

Transhumanistic trend in modern visual art 77
N. Goncharenko

Humanitarian Perspectives

**Compromise: A way to harmonize relationships
 in Japanese Society** 92
E.V. Skvortsova

Man in the Religions of the World

The religion returning 107
S.D. Lebedev, M. Blagoevich

**Socratic trends in religious-philosophical
 views by L. Giussani** 112
S. Zofoli

TENTS

The Measure of All Sciences

- 127** **The molecular age: Is it “the purlieu of the Eternity”?**
L.P. Kiyashchenko, E.G. Grebenshchikova

From the Treasuries of Culture

- 138** **The Human tragedy in film music by Alfred Shnittke**
Y.V. Miheeva

The Human Face

- 148** **Herzen as a prototype of Stavrogin**
V.K. Kantor

Great is This Mystery

- 160** **On E.N. Trubetsky's work “Other Kingdom and its seekers in Russian fairy tale”**
O.M. Sedykh

That Language of Mine

- 170** **Trends in linguistic development of the population of Volga region**
Ya.Z. Garipov

Remembering Those Bygone

- 175** **Sacred to the memory of my friend. The word on Vladimir Petrovich Zinchenko**

Turning over the Fresh Pages

- 179** **Varava V.V. A God Unknown**
V.V. Vanchurov

Humanitarian Chronicle

- 182** **New development in the Human studies. XIII Frolov Readings**
S.M. Malkov

17 The new books

- 185** **Annotations and key words of published articles**

- 192** **To our authors. New rules of designing the articles**

На первой и третьей страницах обложки картины художника Габриэля Россети «Видение Фиамметты». 1878 и «Леда Лилит». 1867

На второй странице обложки работа В.М. Васнецова «Гамаюн, птица вещая», 1897

На четвертой — «Два растения» Лусьена Фрейда. 1977–1980

К сведению авторов

Журнал “Человек” публикует статьи по комплексным междисциплинарным исследованиям человека, статьи в помощь преподавателям гуманитарных и общественных наук, библиографические обзоры и рецензии, а также информацию о научных конференциях в России и за рубежом.

К рассмотрению не принимаются материалы, которые полностью или частично (более 20% текста) уже были опубликованы в другом издании.

Редакция принимает материалы объемом до 40 тыс. знаков (1 авт. л.) в одном экземпляре, напечатанном через два интервала на одной стороне листа формата А4, и обязательно с предоставлением электронной версии Word for Windows. Материалы, полученные по электронной почте, регистрируются и рассматриваются в обычном порядке.

Автор обязан указать источник всех приводимых в статье цитат, цифр и иной информации; предоставить иллюстративный материал, если он необходим по тексту.

Издание включено в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук (по специальностям биологические науки, философия, социология, культурология).

Обращаем Ваше внимание на то, что изменились нормативы и порядок представления статей к публикации, оформления библиографических ссылок. Статьи должны соответствовать современным требованиям ВАК и Российского индекса научного цитирования.

В частности, к статье прилагается справка об авторе (авторах), в которой указываются фамилия, имя и отчество, точное официальное название места работы, должность, ученая степень, ученое звание, номера контактных телефонов, адрес электронной почты, домашний адрес с почтовым индексом. Статья должна содержать аннотацию (не более 500 знаков), ключевые слова (не более восьми) на русском и английском языках.

К статье также прилагается фотография автора (авторов).

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Библиографические сноски должны быть оформлены согласно ГОСТу Р 7.0.5.-2008.

Издатель — Российская академия наук, издательство “Наука”
Адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90.

Адрес редакции: 119991, Москва К-62, Мароновский пер., д. 26.
Тел.: (499) 238-23-00 (факс), (499) 238-25-83.
E-mail: humanus-1@naukaran.ru; www.chelovek21.ru

Сдано в набор 29.01.2014. Подписано к печати 24.03.2014.
Формат 70 × 100 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,48 + 0,64 вкл.
Усл. кр.-отт. 6,5 тыс. Уч.-изд. л. 20,0.
Бум. л. 6,0 + 0,5 вкл. Тираж 403 экз. Заказ № 24

Отпечатано в ППП «Типография “Наука”» с готового оригинал-макета.
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6